наше завтра
ИЗДАТЕЛЬСТВО
магазин ДЕНЬ
NZAVTRA.RU ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ
+7 (499) 490-70-48 +7 (499) 350-17-79
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ 16+

Павленко Георгий. Тропою Пушкина. — М. : Наше Завтра, 2023. — 288 с.

Вошедшие в это издание очерки, эссе и миниатюры писателя Георгия Владимировича Павленко, посвящённые Александру Сергеевичу Пушкину и пушкинскому кругу, определившему золотой век русской литературы, как и другие работы автора, хорошо известны читателям нашей газеты и сайта zavtra.ru. Но, будучи (далеко не все!) собраны под одной обложкой, они уже перестают быть суммой отдельных текстов, их смыслы переплетаются между собой и обогащают друг друга, обретая новое качество и новые измерения. Тем более что Пушкин действительно — "наше всё", и сегодня ничуть не в меньшей, а даже в большей степени, чем двести или сто лет назад, потому что каждый год своей истории Россия проживает вместе с творчеством Пушкина, под светом "солнца русской поэзии", русской литературы, русского языка и русской культуры.

Например, когда автор пишет о пушкинской стихотворной трилогии 1831 года: "Перед гробницею святой…", "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина", описывая ту "партию войны с Россией" во французском парламенте, против которой эта трилогия была направлена, поневоле приходится задумываться над тем, имела ли данная "партия войны с Россией" (не только французская) отношение к убийству величайшего русского поэта руками Жоржа Дантеса. А если так, то подавление генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем польского восстания в том же 1831 году и ранее достигнутая под его началом победа в Русско-персидской войне 1826–1828 годов оказываются связанными с гибелью не только Пушкина, но и Грибоедова. Поэзия — род воинского искусства, и оружие слова оказывается столь же разяще и "огнестрельно", как оружие материальное, в том числе и для тех, кто этим оружием искусно владеет.

В подавляющем большинстве вошедших в книгу микроисследований Георгия Павленко — скорее художественных, чем собственно научных, это рассказы, а не диссертации — зёрна смыслов прорастают на богатой почве фактов: от особенностей мундира придворного камер-юнкера до, как представляется, вполне обоснованного предположения о том, что "текст, именуемый сегодня X главой „Евгения Онегина", ни при каких условиях не мог быть отправлен на прочтение императору Николаю I" и возвращён им автору, о чём как о факте свидетельствуют мемуары А.О. Смирновой-Россет, а впоследствии уничтожен поэтом. Поэтому "сохранившиеся отрывки не есть отрывки из X главы…" "Но пушкинистам советского времени очень хотелось, чтобы именно такой, антимонархический текст ассоциировался с великим романом великого поэта и чтобы Евгений Онегин прямым путём шёл из дома генеральши Татьяны Лариной в дом к Рылееву на сборище Северного тайного общества…"

Портреты Василия Львовича Пушкина, "парнасского дяди" Александра Сергеевича, "третьего Пушкина" Алексея Михайловича, баснописца и высокопоставленного вельможи, "патриарха с Патриарших" Ивана Ивановича Дмитриева, "басманного философа" Петра Яковлевича Чаадаева, многих других современников и современниц Пушкина — своего рода реализация убеждённости Георгия Павленко в том, что определение "наше всё" касается не только творчества Пушкина как человека, но всего "пушкинского круга", находясь в котором "великий поэт смог в последние годы своей жизни сломать все существующие преграды и объединить, слить в своей душе и русскую культуру, и русскую святость. Он, собственно говоря, и показал миру, что такое русская культура во всей её полноте…" С таким утверждением автора книги "Тропою Пушкина" сложно не согласиться.

РУССКОЕ ЧУВСТВО

Фрагмент из книги

Россия! встань и возвышайся!
А.С. Пушкин.
Бородинская годовщина. 1831 год

ЛИШИСЬ ВДРУГ ЕВРОПА, Европейский мир какой-либо своей составляющей, Европа осталась бы Европой, а Европейский мир, хоть и потерял бы свою французскость, испанскость или, скажем, ирландскость, всё равно остался бы Европейским миром. Иное дело — Русский Мир, русская цивилизация. Эти понятия прочно связаны с Россией и территориально, и организационно, то есть государственно. И носители этой цивилизации — русский народ вместе с другими народами, идентифицирующими себя с Русским Миром. Не станет России — не станет Русского Мира. Переидентифицируются русский и другие сродственные с ним народы — исчезнет русская цивилизация.

Не имея возможности уничтожить Русский Мир физически и учитывая необходимость сохранения России как буфера между Европой и мусульманским миром, свои главные силы Запад направляет именно на эту "переидентификацию". Россия выгодна Западу не как русская Россия, а как третьесортное европейское государство, целиком зависящее от европейской инфраструктуры. "Сближение", фантомы которого всплыли при Горбачёве и Ельцине, никого ни к кому не приблизило, лишь ослабило и "развинтило" нашу страну…

Да, были и есть в Европе люди, хорошо понимающие Русский Мир и отдающие должное России как потенциальной духовной сокровищнице человечества. Вот лишь несколько примеров. Вальтер фон Шубарт, "Европа и душа Востока" ("Russia and Western Man"): "Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачею России является вернуть её людям… Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти". Стивен Грехам (Stephen Graham): "Я люблю Россию — иногда мне кажется, что я счастливый принц, нашедший Спящую Красавицу". Морис Беринг, "Русский народ" (M. Baring, "The Russian people", 1911 г.): "То, что я люблю и чему удивляюсь в русском народе, имеет не варварский, живописный или экзотический характер, но представляет собою нечто вечное, общезначимое и великое — именно его любовь к человеку и веру в Бога".

И всё же подобное понимание России скорее исключение, чем правило. А правилом является навязывание России европейских образцов, да ещё и по двойным стандартам. Как только Россия укреплялась и возвышалась при Иоанне Грозном, Петре I, в начале царствования Николая I — в Европе тут же поднималась волна клеветы, велись информационные атаки, ложь нанизывалась на ложь. Нечто похожее мы наблюдаем и сегодня: так было всегда и, к сожалению, будет, видимо, и завтра.

Антирусская истерия, охватившая Европу в связи с подавлением польского мятежа 1830–1831 годов, — один из наиболее ярких примеров "психической атаки" на нашу страну. Не будем повторять здесь историю того кровавого противостояния и сразу же перейдём к делу…

ПОСЛЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ и одобрения государем, получив официальное цензурное разрешение от 7 сентября (здесь и далее — по старому стилю), 10 сентября 1831 года в Санкт-Петербурге вышла в свет брошюра "На взятие Варшавы", содержавшая стихотворение В.А. Жуковского "Старая песня на новый лад" и два стихотворения А.С. Пушкина — "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина". Второе известно чуть меньше, а первое стало хрестоматийным (несмотря на знак минус, который выставила этой патриотичной и политически верной оде пятая колонна, существовавшая в России с незапамятных времён):

О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос…

За месяц до написания стихотворения Пушкин в письме П.А. Вяземскому излагал абсолютно те же мысли, только, разумеется, в прозаической форме: "Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить её по впечатлениям европейским… Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сём случае правила non-intervention (невмешательства), то есть избегать в чужом пиру похмелья, но народы так и рвутся, так и лают". В том же июле Пушкин обращался к графу А.Х. Бенкендорфу с предложением издавать политический журнал следующими словами: "Ныне, когда справедливое негодование и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всех нас против польских мятежников, озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной бешеной клеветою… Пускай позволят нам, русским писателям, отражать невежественные нападки иностранных газет". Александр Христофорович, очевидно, не без согласования с государем, оставил просьбу без внимания, полагая, что там, где должны говорить пушки, музам лучше заниматься более свойственными им делами…

К кому же конкретно адресовался Пушкин? Антироссийскую кампанию во французском парламенте возглавил маркиз де Лафайет (1757–1834 гг.), видный деятель масонской организации "Великий восток Франции". Именно он в феврале 1831 года создал Польский комитет в поддержку мятежников, а в 1833 году им был основан Союз защиты прав человека. Не обратить ли нам внимание на то, что у правозащитных организаций с момента их возникновения чётко прослеживаются масонские корни и антироссийский вектор? Жильберу Лафайету вторил Франсуа Моген (1785–1854 гг.), видный либеральный политик времён Июльской революции (исторический период во Франции с 1830 по 1848 г.). И, наконец, активным сторонником восставших был граф Максимилиан Ламарк (1770–1832 гг.), прославленный наполеоновский генерал. Что в этой ситуации двигало им в большей степени: любовь к полякам или жажда реванша в войне с Россией? Этот вопрос мы оставим открытым…

Реваншизм парламентариев был выявлен Пушкиным со всей ясностью. Хоть он и использует постоянно вопросительную частицу "ль", на самом деле ни у него, ни у читателей не возникает сомнений в том, что Бородино и Березина ещё очень свежи в памяти французов:

И ненавидите вы нас…
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Итак, все трое: Лафайет, Моген и Ламарк, встречая одобрение со стороны палаты, в своих парламентских речах неустанно требовали незамедлительного вооружённого выступления против России в союзе с мятежниками, то есть по существу призывали к началу новой европейской войны…

О том, что к возможному началу новой войны Пушкин относился с полной серьёзностью, говорит и тот факт, что в последующих редакциях поэт убрал первоначальный латинский эпиграф Vox et praeterea nihil ("Голос и больше ничего") в смысле "пустые слова" (то есть слова могли оказаться и не пустыми). Ещё одним подтверждением сказанному служит фраза Пушкина из письма князю Вяземскому от 14 августа того же года: "Если заварится общая, европейская война, то, право, буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока" (Пушкин женился 18 февраля 1831 г.). Смысл данного выражения ясен, но всё же уточню: торока — это ремешки сзади седла, которыми что-либо к нему привязывалось, то бишь взять в торока — что-то взять с собой в поход. В случае с поэтом не что-то, а кого-то — жену, первую красавицу Петербурга.

Собственно, "Клеветникам России" и "Бородинской годовщине" предшествовало ещё одно стихотворение — "Перед гробницею святой" — беспокойные размышления поэта возле усыпальницы М.И. Кутузова в Казанском соборе. Пушкин понимал важность момента, так как первоначально русскую армию в противодействии повстанцам преследовали неудачи. Неслучайно в середине лета 1831 года поэт сказал графу Е.Е. Комаровскому: "Теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году". А потому и пушкинская реакция на взятие Варшавы, проявленная им в "Бородинской годовщине", вполне понятна и не навеяна извне. Мне попадались различные пушкинские сборники с самыми замысловатыми комбинациями произведений в них. И как-то ни разу не встретилась данная трилогия как некая художественная единица. Я сам для себя свёл и прочитал все три стихотворения подряд. Поверьте, ощущение удивительное!

"Клеветникам России" было написано в Царском селе в начале или середине августа, во время осады Варшавы войсками графа И.Ф. Паскевича (1782–1856 гг.). Иван Фёдорович Паскевич — умышленно забытый либеральной интеллигенцией выдающийся военачальник и государственный деятель Российской империи. Потомок казака Пасько (полтавского старшины в войске Богдана Хмельницкого), он стал единственным в России полным кавалером одновременно двух орденов — Святого Георгия и Святого Владимира. Следует подчеркнуть, что полных кавалеров ордена Святого Георгия в истории было всего четверо: сам Паскевич, генерал-фельдмаршалы М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, М.Б. Барклай де Толли и И.И. Дибич-Забалканский. В 1849 году высочайшим повелением казачьему потомку были назначены воинские почести, определённые только императорам всероссийским. Почти четверть века (после взятия Варшавы и до своей кончины) Паскевич являлся наместником Царства Польского, что обычно было прерогативой членов императорской фамилии…

ВЫХОД БРОШЮРЫ разделил светское общество на два лагеря: патриотический, в котором это событие бурно приветствовали, и либеральный, где втихомолку симпатизировали полякам и осуждали поэтов за проявление верноподданнических чувств. Можно сказать, что книжка эта стала первой репетицией того размежевания, которое произойдёт через пять лет с выходом в свет "Философического письма" П.Я. Чаадаева в журнале "Телескоп". Так, член прозападного кружка любомудров литературный критик Николай Александрович Мельгунов (1804–1867 гг.) писал своему другу, также литературному критику, будущему славянофилу Степану Петровичу Шевырёву (1806–1864 гг.): "Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту".

Как ни странно, на сторону Пушкина встали и некоторые декабристы. Так, А.А. Бестужев, широко известный под псевдонимом Марлинский, писатель-беллетрист, сожалел, что не может участвовать в боях против мятежников, и утверждал, что "поляки никогда не будут искренними друзьями русских". А вот член Союза благоденствия, уволенный со службы полковник лейб-гвардии Московского полка Г.А. Римский-Корсаков писал, что после выхода в свет пушкинской оды он отказался "приобретать произведения Русского Парнаса"…

В штыки восприняли пушкинские стихи и правофланговые тогдашней пятой колонны братья Тургеневы. Брат Александр писал брату Николаю, находившемуся в политической эмиграции с 1826 года: "Твоё заключение о Пушкине справедливо: в нём точно есть ещё варварство!.. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства".

Дай нам Бог — всем русским людям — понимать патриотизм так же "варварски" — по-пушкински…

Приведём ещё несколько отзывов.

Алексей Илларионович Философов (1800–1874 гг.), генерал от артиллерии, участник штурма Варшавы, писал, не жалея лестных эпитетов: "Какое богатство мыслей самых отвлечённых, выраженных пиитическим образом! Какие возвышенные, прямо русские чувства!"

Е.А. Баратынский писал И.В. Киреевскому, что в оде "сказано дело и указана некоторая точка, с которой должно смотреть на нашу войну с Польшей".

Солидаризируясь с Евгением Абрамовичем, издатель и пушкинист Павел Васильевич Анненков (1813–1887 гг.) в статье "Общественные идеалы Пушкина" ("Вестник Европы", 1880 г.) как бы подводит черту под многолетними спорами вокруг этих стихов: "За Пушкиным остаётся, в конце концов, непререкаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу под голый факт ненавистного столкновения двух родственных племён".

А как же отнёсся к стихам Пушкина Пётр Яковлевич Чаадаев? Все те, кто заблуждается насчёт Чаадаева, считая его "окатоличенным западником" и "декабристом без декабря", смеют предположить, что он симпатизировал полякам и французским парламентариям, а, стало быть, воспринял пушкинские стихи с негодованием. Но на самом деле государственник и основоположник русского консерватизма П.Я. Чаадаев (говоря современным языком, "позитивный русофоб") писал Пушкину в письме от 18 сентября 1831 года следующее: "Я только что прочёл ваши два стихотворения. Друг мой, никогда ещё вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали своё призвание. Не могу достаточно выразить своё удовлетворение… Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нём больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века… Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят — а мы пойдём вперёд… Мне хочется сказать себе: вот, наконец, явился наш Данте…"

Пушкинскую позицию, выраженную в этих стихотворениях, впоследствии поддерживал и Константин Николаевич Леонтьев. Известный русский педагог и общественный деятель Лев Иванович Поливанов (1838–1899 гг.) писал, что ода, "которую скоро знала наизусть вся образованная Россия… как нельзя лучше выразила чувство собственного достоинства". Основатель знаменитой Поливановской гимназии даёт идеологическую оценку пушкинскому произведению: "…с редкой прозорливостью русский поэт указал… такую сторону, которая озарила и для будущих поколений истинный смысл наших прав в славянском вопросе… С неменьшим достоинством… подкреплено право самостоятельного пути русской политики… Едва ли можно указать во всей европейской литературе более возвышенное произведение в области политической лирики…"

КОГДА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ российской и позднее в советской критической литературе я постоянно встречал ссылки на крайне негативное отношение к этим стихам и к самому факту выхода брошюры "На взятие Варшавы" со стороны умнейшего человека той эпохи, поэта и литературного критика князя П.А. Вяземского, признаюсь, я не переставал удивляться. И дело ведь было не только в том, что Пётр Андреевич — ближайший друг и Жуковского, и Пушкина, а в том, что он истинный государственник, мудрец, реалист. И такая необъяснимая реакция! При этом свою позицию он отстаивал активно и публично, она отражена в нескольких письмах, в дневнике, в личных спорах с Чаадаевым. Конечно, с какими-то замечаниями князя можно легко согласиться. Ну, например, с присущей ему едкостью он пишет: "Смешно, когда Пушкин хвастается, что "мы не сожжём Варшавы их". И вестимо, потому что после нам пришлось же застроить её".

Обращаясь к В.А. Жуковскому, Вяземский (вполне в духе помещика-крепостника) писал в своём "Дневнике": "Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою, но всё же нет тут вдохновений для поэта". Эту же мысль Пётр Андреевич развивает в письме к дочери М.И. Кутузова — страстной пушкинской поклоннице Елизавете Михайловне Хитрово (1783–1839 гг.): "Правительство, подчиняясь слепой и непоколебимой необходимости, может подписать смертный приговор народу, как и отдельному лицу, противящемуся установленному порядку и неизменным условиям существования, но поэзия, которая не должна быть помощницей необходимости, не должна вмешиваться в эту прозу действительности. Вот где поэт должен сказать вместе со Христом: "Царство Моё не от мира сего!". Пётр Андреевич признаётся, что критикой своей ему "хотелось оцарапать и Пушкина", причём "царапаться" князь Пётр собирался, ещё и не прочитав пушкинских стихов. Странно, не похоже на Вяземского. И в полонофильстве никогда он замечен не был. В чём же тут дело?

А дело оказалось не в этических и не в эстетических расхождениях Вяземского с Пушкиным и Жуковским, а именно в совершенно ином взгляде на польский вопрос в целом. Решение моим сомнениям наступило, когда я не поленился и раскрыл сам оригинал. А в оригинале после вышеприведённой фразы из "Дневника" идёт следующий текст: "При первой войне, при первом движении в России, Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как даём мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни…"

Таким образом, позиция князя Вяземского по отношению к польскому вопросу становится совершенно ясной. Для него русская кровь, пролитая при подавлении польского восстания, — кровь напрасная, и воспевать эти жертвы, да ещё и сравнивать "плен Варшавы" (Пушкин) с Бородином — дело непозволительное…

Есть такая очень древняя боевая песня русичей:

Гой Купала! Гой Ярило!
Солнце землю озарило!
Коловрат, поворотись,
Жарче пламя разгорись!

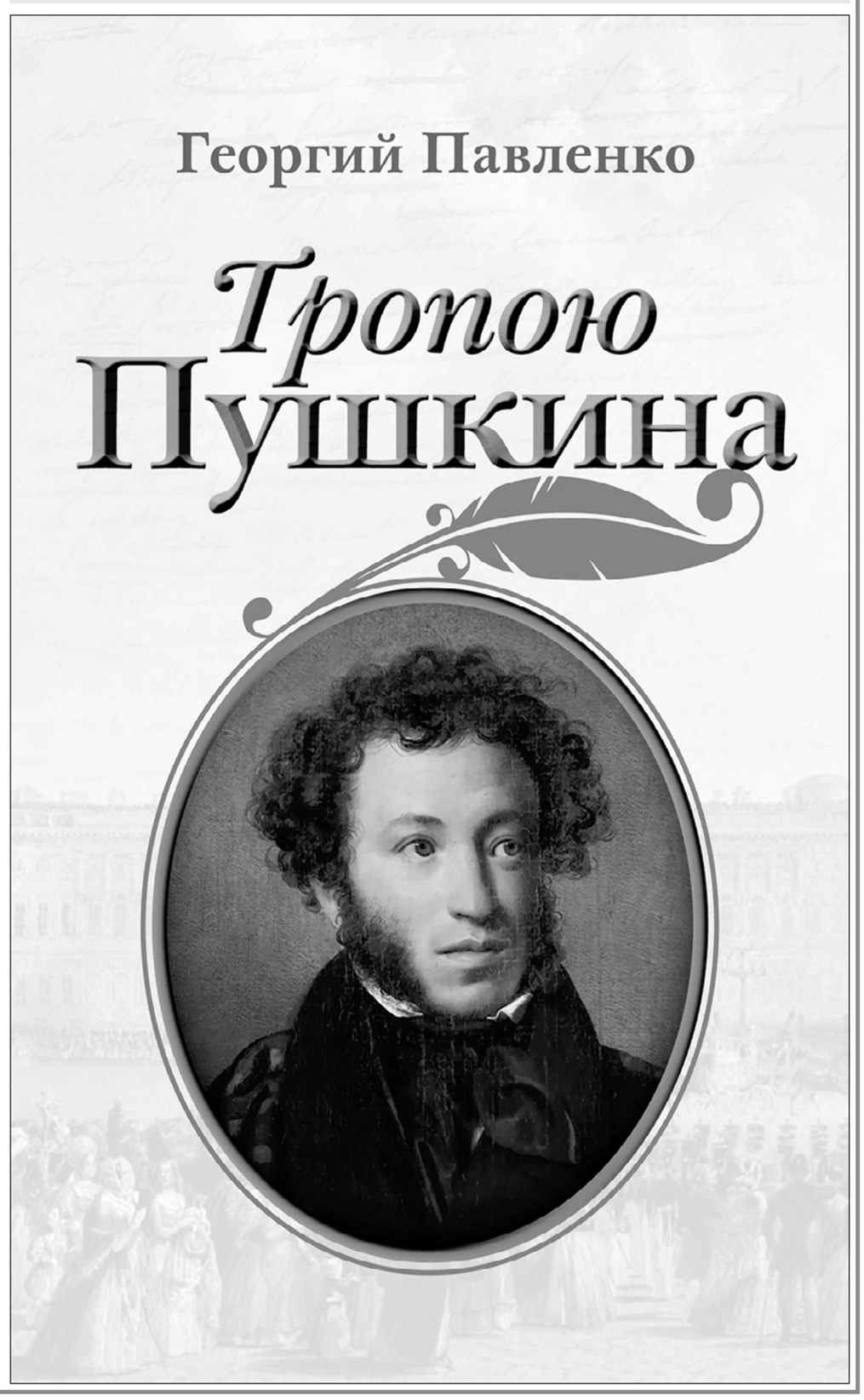
И припев:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!

Некий литературный критик в начале прошлого века назвал выход в свет брошюры "На взятие Варшавы" "вспышкой русского шовинизма".

Как ответить на это обвинение? Ответим, как и подобает, словами наших славных пращуров: "Вспышка русского шовинизма", гори, гори ясно, чтобы не погасло!"

"Пушкин — не икона… Но его Путь к Православию велик более, чем всё им созданное на этом пути… Важно, что Путь этот — и Пушкин это доказал — путь к Православию, доступен и русскому гению, и русскому простолюдину… Отрицание полноты пушкинского наследия есть преступление перед русской культурой…"



ДЕНЬ-ЦЕНТР

приглашает

23 июня (пятница) в День-центре состоится встреча с ведущим российским военным аналитиком и экспертом **Константином СИВКОВЫМ**.

Цикл лекций: Корабли мира

Тема встречи: Авианосцы мира

Характеристики, вооружение, задачи, боевые возможности современных авианосцев армий мира.

Начало в 16:00. Билеты можно приобрести на сайте день-магазин.рф в разделе "Встречи".

23 июня (пятница) в День-центре состоятся дебаты между писателем **Фёдором ЛИСИЦЫНЫМ** и историком **Евгением МИХАЙЛОВЫМ**.

Тема дебатов: Первая мировая — украденная победа или закономерное поражение?

К февралю 1917 года Российская империя уже фактически проиграла Первую мировую войну. Этот тезис будет отстаивать известный писатель и публицист Фёдор Лисицын.

Нет, Россия уверенно шла к победе, и поражение есть следствие не военных событий на фронте, а результат политики сил, пришедших к власти сначала в результате Февральской революции, а затем — Октябрьской. Этот тезис будет аргументировать историк Евгений Михайлов.

После дебатов желающие могут задать вопросы экспертам.

Начало в 19:00, просьба приходить несколько заранее.

24 июня (воскресенье) состоится встреча с писателем **Дионисом КАПТАРЕМ**.

Тема встречи: Масонство. Версии возникновения

Как возникло масонство и насколько оно влиятельно. Как связаны история цеховых структур Средних веков и масонство. Идеологические течения в масонстве. Масонство и аристократия.

Начало в 14:00, просьба приходить несколько заранее.

Адрес: г. Москва, ул. Коровий Вал, 1А, стр. 1, ТЦ "Добрынинский", 3-й этаж (одна минута пешком от станции метро "Добрынинская").

Регистрация на встречи — на сайте день-магазин.рф или по телефону: 8-499-350-17-79.

Количество мест ограничено. Заявки на встречу отправляйте, если точно уверены, что придёте.

Наличие распечатанного билета необязательно для посещения мероприятия.

Уважаемые участники! На мероприятиях можно приобрести книги авторов.

Если вы хотели бы гарантированно приобрести книги из нашего ассортимента, просим вас заранее оформить заказ на сайте день-магазин.рф. Мы с радостью доставим ваш заказ на встречу.

Внимание! Видеосъёмка на мероприятиях запрещена.